

Фокин Валерий

29.04.98

ВАЛЕРИЙ ФОКИН:

Культура - 1998 - 29 апр.

Можно ли поставить телефонную книгу?

Современную драматургию и современный театр никак не уличишь во взаимном интересе. Новых пьес немало, но ни одна из премьер не делает театральной погоды. Опытные драматурги сами ставят собственные пьесы, опытные режиссеры, уставая от классики, берутся за инсценировки, а иные и просто приходят к выводу, что слово на театре отнюдь не первично.
Так, к примеру, рассуждает В.ФОКИН.

— Валерий Владимирович, что же такое, на ваш взгляд, драматургия — часть театра, литературный жанр, нечто особенное?

— Безусловно, это часть театра, и очень важная, существенная часть. Просто, мне кажется, в разные исторические моменты ее значимость может либо возрастать, либо уменьшаться. Хотя в русском театре драматургические традиции весьма сильные и мощные, потому что существует уважение к слову и смыслу. Но драматургия непосредственного театрального пространства может создаваться иным путем, не только с помощью пьесы. Поводом для спектакля часто служит какое-либо прозаическое произведение, порой же — отдельное слово, фраза, стихотворение, даже сновидение. И я тут не открываю никаких Америк, это очень давняя точка зрения.

Что касается меня, то я отношусь к драматургии чрезвычайно уважительно. Ставил очень много пьес и сейчас иногда продолжаю это делать. Отвоюю ей важное место, но в ряду других компонентов, из которых складывается понятие "театр". А вот утверждать, что драматургия — основа театра, что без нее он рухнет, я бы не стал. По-моему, это досужие разговоры, придумки и впечатления какого-то определенного временного периода. Но мы же устаем от слова, от железных драматургических конструкций — и это естественно, нормально. К тому же все равно надо пытаться обновлять театральный язык.

— Вы действительно долгое время успешно ставили "нормальные" пьесы. С чего начали ваш собственный отход от драматургии?

— Это началось еще в 70-е годы, когда вообще в советском театре доминировала проза: лучшие спектакли делались по произведениям Б. Васильева, Ч. Айтматова и других авторов. Я тоже начал делать инсценировки, но не в традиционном плане, а занимался "переложением прозы" для сцены. Была у

Фото Н. Самойлова

принимает такой театр, не понимает этого языка, с ним можно спорить по этому поводу. Другое дело, что я не буду этим заниматься, неинтересно.

— Но драматургия все-таки придает спектаклю определенную форму, сюжетно организует его. А "идея", лежащая в основе проекта, не всегда способна справиться со сценическим хаосом.

— Нет, мне так не кажется. Идея идеей, но любой театральный спектакль должен иметь свой сюжет. Другое дело, что этот сюжет может существовать не на словесном уровне, а организовываться театральными средствами. Но он обязательно присутствует — в виде конструкции, композиции, как я это называю. В ней должно быть выстроено напряжение, выстроено музыкально. Я остаюсь верным почитателем мейерхольдовского тезиса о том, что музыкальная композиция — основа драматического театра. Причем музыка спектакля — это не просто включение отдельных мелодий, это начало организующее. В конце концов фраза Дикого, что можно поставить даже телефонную книгу, конечно, анекдотично, но имеет определенные корни. Да, можно поставить и телефонный справочник, и это нормально. А можно сделать спектакль вообще без слов, который будет, я в этом убежден, очень напряженным. А просто "идея" — это все-таки нечто другое.

— Вас никогда не интересовали произведения абсурдистов, которые ведут свои эксперименты со словом?

— Вот это меня не привлекало никогда, поскольку я с детства был "стукнут" Гоголем. Любой абсурд, наверное, просто чужд моей природе. Я не могу понять, как через бессмысличество речи можно передать суть какого-то явления. Хотя, конечно, в свое время, еще в Щукинском училище, мы испытывали на прочность и Мрожека, и Сартра, и Ионеско. "В ожидании Года" мне даже нравилась какой-то своей поэтичностью. Но зачем при всем этом надо мыть?

— Знакомы ли вы, хотя бы в качестве читателя, с творениями нынешних молодых драматургов?

— Я их плохо знаю, надо признаться. Лишь несколько фамилий — Угаров, Гремина, Мухина, Савельев. Их пьесы очень любопытны, но меня просто сегодня это не интересует. Допускаю, что в этом есть, быть может, и моя какая-то ограниченность. Но все может измениться. И дай Бог, чтобы изменилось. Ведь самое страшное — это собственная упрямство, которая растягивается надолго.

Беседу вели
Ирина АЛЛАТОВА

67